

Русское зарубежье

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ КАК СОЦИО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН.

Сабенникова И.В.

Цель исследования состоит в том, чтобы дать комплексный социологический портрет русской эмиграции 1917-1939 годов путем выявления данных по основным параметрам ее социальных характеристик. Проведение данного исследования позволяет определить, каким образом происходила интеграция различных групп и социальных слоев эмиграции в западное гражданское общество, выявить специфику этого процесса по различным направлениям социальной характеристики и рядам ранжирования. Это, в свою очередь, позволяет ответить на более общий вопрос, приобретший крайнюю актуальность в современных условиях: до какой степени различные структуры традиционного (аграрного в своей основе) общества могут интегрироваться в индустриальное общество западного типа, как проходит этот процесс и какова его специфика для различных общественных групп, дифференцированных по социальному статусу, национальной, половой, возрастной, культурно-образовательной, профессиональной принадлежности. В современных политических условиях данная проблематика приобретает особое значение, поскольку формирование в России гражданского общества повлекло за собой, осознание феномена русского зарубежья как части социо-культурного процесса XX в.

Постановка проблемы и методы ее исследования

Обращение к русской эмиграции 1917-1939 гг. как самостоятельному объекту социологического исследования определяется тем, что это было уникальное явление в истории Европы новейшего времени, поскольку (в отличие от крупных случаев революционных эмиграции) большинству ее представителей так и не удалось вернуться в Россию по объективным причинам. В связи с этим ее интеграция и социо-культурная адаптация в европейское индустриальное общество межвоенного периода может рассматриваться как своего рода "чистый" эксперимент.

САБЕННИКОВА И.В.

Русская эмиграция как социально-культурный феномен.

Хронологические границы исследования объясняются объективными условиями: массовая эмиграция российских граждан началась сразу после Октябрьской революции 1917 г. и интенсивно продолжалась в различные страны до 1921-1922 гг.. Именно с этого момента численность эмиграции остается примерно постоянной в целом, но непрерывно меняется ее удельный вес в различных странах, что объясняется внутренней миграцией в поисках работы, получения образования, лучших материальных условий жизни. Процесс интеграции и социо-культурной адаптации русских беженцев в различных социальных условиях Европейских стран и Китая прошел несколько этапов и в основном завершился к 1939 г., когда у большинства эмигрантов уже не оставалось перспективы возвращения на родину.

Актуальность явления эмиграции определила обращение к ней современных исследователей. Суммируя достижения в этой области, можно констатировать, что мы располагаем достаточно полной картиной политической истории эмиграции. Среди работ, посвященных данной проблематике, достаточно полно представлены исследования основных идейных и политических течений в русской эмиграции, а также их лидеров - П.Н. Милюкова, П.И. Новгородцева, А.А. Кизеветтера, П.Б. Струве, П.А. Сорокина, являвшихся в то же время крупнейшими представителями русской гуманитарной науки - философии, права, социологии, истории. Говоря об особенностях развития русской общественной мысли рубежа XIX-XX вв., А.Н. Медушевский подчеркнул такие ее черты как "стремление к целостной философской концепции исторического развития, разработка проблем истории вообще и истории России в частности в сравнении с историей других стран, осознанная потребность сопоставления России и Запада; высокая степень политизации общественной науки, ее тесная связь с политикой и политической деятельностью" (1). Эти общие тенденции были характерны и для русской общественной мысли в эмиграции, в частности - евразийской школы, выдвигавшей идею избранного положения России между Европой и Азией, основывающуюся на специфике геополитического, исторического и культурного развития российской государственности.

В современной литературе по русской эмиграции представлены следующие основные направления: анализ политических течений эмиграции и их лидеров; положение эмиграции в различных странах; исследование эмиграции как феномена европейской культуры; изучение характера воздействия эмиграции на ситуацию внутри России (2). Среди них на первом месте стоят государства с наибольшей численностью русских эмигрантов - Германия, Франция и Китай. Характерной тенденцией последнего времени стало появление обобщающих работ о русской эмиграции, основанных на материалах Пражского архива, а также документации европейских и американских архивов. В исследовании М. Раева "Зарубежная Россия" на основе материалов западных архивов, научной литературы, периодической печати тех лет, устной истории (личных воспоминаний эмигрантов "первой волны") воссоздана картина культурной жизни русской эмиграции: сохранения и функционирования русской низшей и средней школы, вузов, книгоиздательств, литературных обществ, церкви. Неполнота данного исследования связана с тем, что автор не использовал богатых материалов Пражского архива и общих статистических данных Земгора. Последним словом в разработке данной проблематики стало энциклопедическое издание - "Золотая книга русской эмиграции", которая, однако, также не может претендовать на исчерпывающий охват материала. Таким образом, очевидна

необходимость комплексного историко-социологического исследования русской эмиграции как целостного социального явления, основные параметры которого получают количественное выражение, станут объектом социологического анализа и доказательных аналитических выводов.

В основу настоящего исследования положены сводные статистически выраженные данные о русской эмиграции 1917-1939 гг.. В этой связи принципиальное значение имеет ввод в научный оборот данных Земско-городского комитета помощи русским беженцам за границей, которые являются уникальным источником, дающим возможность проследить изменение численности, социального состава, профессиональной принадлежности, национальный, половой, возрастной состав основных групп эмиграции в различных странах. Существенным дополнением являются аналитические материалы, сохранившиеся в документации русских эмигрантских научных институтов, вузов, эмигрантских студенческих организаций, профессиональных союзов и обществ, редакций журналов и других периодических изданий. Взятые в совокупности они позволяют создать коллективный социологический портрет русской эмиграции. Большое значение для целей исследования имеет сопоставление этих сводных учетных данных с правовыми документами, фиксирующими именно ту сторону отношений эмиграции с властными структурами и общественными организациями стран размещения русских беженцев, которая, вместе с тем, была и наиболее конфликтной (визы, паспорта, вид на жительство, борьба за возможность трудоустройства и получения образования). Третьей группой источников является административная переписка между различными структурами Земгора, его отделениями в различных странах и представительствами, различными общественными, профессиональными, политическими организациями русской эмиграции, а также с такими международными организациями как Лига Наций, Международный Красный Крест, Международное Бюро труда и др., которая позволяет раскрыть динамику развития этих конфликтов в различных политических условиях, способы их разрешения, а следовательно - возможности социо-культурной адаптации различных групп эмиграции к национальным условиям и политическим системам стран размещения.

I. Основные структурные параметры эмиграции

Формирование русской эмиграции

Основными причинами формирования русской эмиграции как устойчивого социального явления стали: первая мировая война, российские революции и гражданская война, политическим следствием которых стал передел границ в Европе и прежде всего - изменение границ России. Поворотным пунктом для формирования эмиграции явилась Октябрьская революция 1917 г. и вызванная ею гражданская война, расколовшая население страны на два непримиримых лагеря. Формально юридически данное положение было закреплено позднее: 5 января 1922 г. ВЦИК и Совнарком опубликовали декрет от 15 декабря 1921 г. о лишении прав гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей. Согласно декрету прав гражданства лишались лица, находившиеся за

*САБЕННИКОВА И.В.**Русская эмиграция как социально-культурный феномен.*

границей непрерывно более пяти лет и не получившие от советского правительства паспорт до 1 июня 1922 г.; лица, выехавшие из России после 7 ноября 1917 г. без разрешения советских властей; лица, добровольно служившие в армиях, сражавшихся против советской власти или участвовавшие в контрреволюционных организациях. Статьей 2 того же декрета предусматривалась возможность восстановления гражданства. На практике, однако, данная возможность реализована быть не могла - от лиц, желающих возвратиться на родину требовалось не только заявление о принятии подданства РСФСР или СССР, но и принятие советской идеологии.

В дополнение к данному декрету в конце 1925 г. комиссариатом внутренних дел были изданы правила о порядке возвращения в СССР, согласно которым допускалась отсрочка въезда указанных лиц под предлогом предотвращения усиления безработицы в стране. Лицам, намеренным немедленно после оформления ими гражданства или амнистии возвратиться в СССР, рекомендовалось прилагать к заявлению документы о возможности трудоустройства, удостоверяющие, что проситель не пополнит кадров безработных.

Принципиальная особенность российской постреволюционной эмиграции (в отличие от аналогичных эмиграций других крупных европейских революций) - ее широкий социальный состав, включающий практически все (а не только ранее привилегированные) социальные страты. Среди людей, оказавшихся к 1922 г. за пределами России, были представители практически всех классов и сословий, начиная от членов бывших правящих классов и кончая рабочими: "лица, живущие за счет своих капиталов, государственные чиновники, врачи, ученые, учителя, военные и многочисленные промышленные и сельскохозяйственные рабочие, крестьяне"(3). Также неоднородны были и их политические взгляды, отражавшие весь спектр политической жизни революционной России.

Социальная дифференциация русской эмиграции объясняется неоднородностью вызвавших ее социальных причин и способов рекрутирования. Основными факторами данного феномена стали первая мировая война, гражданская война, большевистский террор и голод 1921 - 1922 гг.. С этим связана доминирующая тенденция гендерного состава эмиграции - подавляющий перевес мужской части русской эмиграции трудоспособного возраста. Данное обстоятельство открывает возможность интерпретации российской эмиграции как существенного экономического фактора послевоенной Европы, возможность рассмотрения ее в категориях экономической социологии (как ширококомасштабной миграции трудовых ресурсов различного уровня профессиональной квалификации, так называемой "трудовой эмиграции"). Экстремальные условия генезиса русской эмиграции определили специфику ее социально-экономического положения в структуре западного общества. Она характеризовалась, с одной стороны - дешевизной предлагаемой эмигрантами рабочей силы (выступающей конкурентом национальных трудовых ресурсов) и, с другой - потенциальным источником безработицы (поскольку в условиях экономического кризиса эмигранты теряли работу в первую очередь).

Принципиальным фактором, определяющим положение эмиграции как социо-культурного феномена выступает ее правовая незащищенность. Отсутствие у беженцев конституционных прав и свобод (слова, печати, права объединения в союзы и общества, вступления в профсоюзы, свобода передвижения и

др.) не позволяло им отстаивать свое положение на высоком политико-правовом и институциональном уровне.

Институты социо-культурной адаптации русской эмиграции

Сложное экономическое и правовое положение русских эмигрантов сделало необходимым создание внеполитической общественной организации с целью оказания социальной и правовой помощи русским гражданам, проживающим за границей. Необходимо отметить, что аналогичные организации существовали уже в 1919 -1920 гг. в Константинополе. К их числу относится прежде всего Русское общество Красного Креста и Всероссийский земский союз, деятельность которых распространялась, главным образом, на Балканы, в то время как европейские страны, куда, начиная с 1920 года, увеличился приток эмигрантов, оставались вне поля их деятельности. Такой организацией для русских эмигрантов в Европе стал Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей - "Земгор", созданный в Париже в феврале 1921 г.. Почти одновременно с этим были созданы организации Земгора в странах с наибольшим расселением русских эмигрантов - Чехословакии, Германии, Болгарии, Польше, Греции, Югославии, а несколько позже в Китае. К данному моменту, как показывают источники, эмиграция осознала необходимость образования такого гуманитарного русского учреждения, которое при опоре на возможно более широкие общественные круги могло бы взять на себя общую заботу о русских беженцах и обладало достаточным авторитетом для представительства и защиты их интересов перед иностранными правительствами и международными организациями. Инициативу создания такой организации взял на себя Совет Объединения Земских и Городских деятелей в Париже. В январе 1921 г. на парижском совещании представителей местных организаций Земгора, представительств Земских и Городских союзов в Англии, США, Швеции, а также Объединения Земских и Городских деятелей за границей было принято "Общее положение" Устава Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей, определено число членов комитета и произведены выборы. В состав комитета вошли преимущественно бывшие главные руководители и наиболее активные работники Всероссийского земского и городского союзов, а также земских и городских учреждений предреволюционной России, причем вне зависимости от их политических воззрений. Председателем комитета был избран князь Г.Е. Львов.

Было определено, что комитет является учреждением аполитическим, преследующим исключительно гуманитарные задачи - оказание всякого рода помощи всем без исключения нуждающимся российским гражданам(4). Согласно уставу Земгора, вся работа Центрального управления распределялась между Общим собранием - руководящим и контролирующим органом, Исполнительным комитетом - распорядительным органом и Ревизионной комиссией. Для выполнения возложенных на комитет задач было создано 8 отделов: счетноказначейский; снабжения; колонизационный; труда; культурно-просветительный; медико-санитарный; информационный; управления делами.

Образование комитета было поддержано со стороны французского правительства и Совещания послов, постановившего все ассигнования на нужды

САБЕННИКОВА И.В.***Русская эмиграция как социально-культурный феномен.***

русских беженцев отпускать через Земгор (данное решение в дальнейшем не всегда, однако, осуществлялось на практике). Социальная защита интересов русских беженцев осуществлялась как непосредственно Исполнительным Комитетом Земгора, так и через представительство Комитета в Женеве.

Первым шагом, предпринятым парижским Земгором, было воздействие на французское правительство с целью добиться его отказа от репатриации русских беженцев в Советскую Россию. Другой первоочередной задачей стало переселение русских беженцев из Константинополя в европейские страны - Сербию, Болгарию, Чехословакию, готовые принять значительные массы эмигрантов. Сознавая невозможность одновременно обустроить за границей 2 миллиона русских беженцев (5), Земгор обратился за помощью в Лигу Наций. С этой целью в Лигу Наций был подан Меморандум о положении беженцев и о способах облегчения их положения, составленный и подписанный представителями 14 русских беженских организаций в Париже, в том числе и Земгором.

Основным институтом финансирования Земско-городского комитета был Финансовый совет при Совецании послов, членом которого состоял князь Львов, а также различные частные пожертвования. Понимая кратковременный характер и незначительность таких поступлений в сравнении с нуждами людей, лишенных жилища, имущества, работы, и желая сохранить по возможности свои учебные, воспитательные и врачебно-санитарные учреждения, Земгор с самого начала своей деятельности стремился привлечь к ним внимание иностранных гуманитарных и частных благотворительных организаций, а также правительств отдельных стран. Усилия Земгора оказались результативны, особенно в славянских странах - Сербии, Болгарии, Чехословакии, где многие учебные заведения (как созданные в этих странах, так и эвакуированные туда из Константинополя) были взяты на полное бюджетное финансирование правительств этих государств.

География центров русской эмиграции

Чрезвычайно широкое географическое распространение российской эмиграции ставит перед исследователем задачу реконструкции ее основных центров и выявления специфики региональных центров. Социальная работа Земско-городского комитета, распространялась на следующие местности: Константинопольский район, Югославию, Болгарию, Чехословакию, Германию, Францию, Корсику, Тунис, Польшу, Финляндию, Эстонию, Латвию, Швейцарию, остров Кипр, Грецию, Египет, Англию.

Все отделения Земгора, несмотря на их удаленность и разбросанность, представляли собой хорошо взаимодействующую систему организаций с аналогичной структурой и функциями. Об этом, например, свидетельствует обращение оргкомитета в Шанхае. Выступая за создание отделения Земгора на Дальнем Востоке, он просит центр прислать своего представителя: "Во-первых, хотим работать в контакте с Земгором Западной Европы и на началах подчинения ему, при его поддержке, которая нам особенно понадобится, когда местные антидемократические организации поведут борьбу с нами, во-вторых, выступая сепаратно, мы открываем дорогу и даем пример другим лицам, которые, или в целях дискредитации Земгора или в личных корыстных целях, пооткрывают свои "земгоры", что конечно нам не желательно и вместе

с тем абсолютно недопустимо. Имея Ваше официальное разрешение на открытие здесь Вашего представительства, мы смогли бы в более широких размерах объединить местную демократическую колонию, преодолеть Вашим именем и некоторую боязнь бывших общественных деятелей (боязнь вполне естественную в условиях засилья семеновщины, когда каждый несогласный травится в качестве большевика), их косность и, наконец, Вашим именем мы могли бы прекратить всякие сепаратные выступления, тормозящие всякую работу. Получив Ваше разрешение, мы смогли бы вступить в официальные сношения с местными властями и торговыми кругами"(6).

Основные сферы деятельности Земгора определялись его уставом, причем среди них на первом месте был учет российских граждан, проживающих за границей, изучение условий их существования и поиск способов его улучшения, а также защита их правовых интересов. С этой целью Земгором устраиваются всякого рода учреждения, как для трудоустройства, так и с целью обучения ремеслу; ведется просветительская работа; организуются юридические консультации, медицинская помощь; приобретается движимое и недвижимое имущество, заключаются займы. С целью информации Земгор издает специальный бюллетень - "Информационный листок". По своей структуре Земгор был продолжением и развитием в новых специфических условиях прежде существовавшего в России земского самоуправления. Об этом свидетельствует, например, Устав объединения: "Членами общества могут быть: а) лица, участвовавшие с правом решающего голоса в работе Земских собраний и Городских дум; б) члены руководящих органов Объединений земств и городов; в) члены органов местного краевого самоуправления; г) лица, по своему знанию и опыту могущие оказать для общества особо полезными."(7). Основными органами общества являлись: общее собрание членов общества, комитет, ревизионная и другие комиссии. Высшим органом управления всегда оставалось общее собрание членов общества. Интересны в этом отношении и источники поступления средств, за счет которых существовал комитет: а) членские взносы; б) ассигнования различных организаций и учреждений, оказывающих помощь российским гражданам; в) специальные сборы; г) доходы от организуемых обществом предприятий; д) благотворительные пожертвования (8). За все время существования Земгора финансовые источники его существования изменялись. Все меньшую долю в них занимали благотворительные пожертвования (к 1924 -1925 гг. сошедшие почти на нет) и все более значительную - средства самих беженцев (главным образом в качестве платы за обучение).

Подтверждением стабильности положения (насколько она вообще была возможна в рассматриваемых социально-политических условиях), а также его преемственности по отношению к существовавшему в России Земству, является отношение крупнейшего в Чехословакии Банка чешских легионеров к Земско-городскому комитету: "За отсутствием в настоящее время за границей русских учреждений публично-правового характера, которые имели бы преемственную связь с такими же учреждениями в России и за невозможностью создания таких учреждений, правление Банка чешских легионеров в Праге считает, что единственной организацией, члены которой имеют несомненные демократические санкции в прошлом и еще более несомненные права на уча-

САБЕННИКОВА И.В.***Русская эмиграция как социально-культурный феномен.***

стие в строительстве будущей демократической России, является объединение земских и городских деятелей, которые в свою очередь объединены в Российский земско-городской комитет помощи беженцам в Париже"(9). Данное соглашение было достигнуто в 1921 г.. Его суть состояла в представлении Земгору крупного кредита в 1 млн. крон с возвращением суммы кредита после восстановления на территории России законной деятельности Всероссийского союза земств и городов.

Социальные параметры русской эмиграции

Деятельность Земгора была весьма разнообразной и разноплановой, однако, наибольшее внимание во все время существования Земгора уделялось созданию и нормальному функционированию русских школ за границей. Сеть школьных учреждений, содержание которых полностью или частично осуществлялось Земско-городским комитетом, охватывала в 1924-1925 гг. двенадцать стран: Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву, Польшу, Бессарабию, Венгрию, Германию, Францию, Югославию, Болгарию, Грецию. Таким образом, можно сказать, что за исключением нескольких крупных школ, содержащихся за счет правительств (в Чехословакии и Югославии), в странах Западной Европы не было ни одной школы, так или иначе не связанной с Земгором.

Наибольшая деятельность Земгора по организации и субсидированию школ для беженцев приходилась на пограничные ("лимитрофные" по терминологии того времени) государства - Финляндию, Литву, Латвию, Эстонию, Польшу, Бессарабию, где положение русских беженцев было особенно тяжело. Детей приходилось не только учить, но поддерживать материально.

Общее число русских школ, включенных в сеть Земгора, в различных государствах Западной Европы в 1925-1926 гг. достигало шестидесяти (большинство из них средние), число учащихся в них 4 500 человек, в том числе около 2 000 содержалось в интернатах и приютах (10).

С той же целью - борьбы с денационализацией русских детей за рубежом в 1925г. Педагогическое бюро совместно с Правлением русских академических организаций, студенческим объединением ОРЕСО и учительским объединением приняло решение о повсеместном и одновременном праздновании дня русской культуры, приурочив его ко дню рождения А.С. Пушкина - 8 июня (11).

День русской культуры широко отмечался не только в Праге и чехословацкой провинции, но также и в других государствах. В Харбине - наиболее многочисленной русской колонии в Китае, отмечался "День русского ребенка" 7 апреля (день Благовещения) (12).

Необходимо отметить, что для русских эмигрантов, оказавшихся вне пределов своей культурной среды, культура стала существенным аспектом принадлежности к русскому народу и самоидентификации. Она включала в себя не только литературные, художественные, научные творения, но также церковь, школу, театр, журналы и газеты, общества и организации - все институты, воплощающие принадлежность индивида к нации. Русская эмиграция не могла и не хотела идентифицировать себя ни с Советской Россией, ни с Западом, поэтому она постоянно оказывалась в опасности утратить свой язык, символы и ценности, а следовательно - национальную историю и культуру.

Российская эмиграция, рассредоточенная по многим странам мира, мало-организованная и не имеющая какого-либо постоянного места пребывания, отличалась высокой степенью миграции. Это объясняется прежде всего необходимостью поиска работы эмигрантами, а также увеличением миграции в начале и в конце учебного года среди молодого поколения беженцев, нуждающегося в получении или продолжении образования. Это обстоятельство делало невозможным точный учет и анализ состава эмиграции.

Количественные параметры эмиграции

Выяснение размеров российской эмиграции является трудной задачей, не решенной до настоящего времени, из-за отсутствия надежной статистической информации. Этим объясняются многолетние обсуждения масштабов миграции из России в 1917-1922 гг., изменений в численности мигрантов по годам и местам расселения. Исходя из этого представляются уникальными выявленные автором данные статистических обследований и полученные в результате них сводные сведения. В 1921 г. попытка определения численности русской эмиграции была предпринята Лигой Наций и Обществом Красного Креста. В 1923 г. - Международным Бюро труда. Принятые первыми двумя учреждениями меры не дали удовлетворительных результатов в регистрации беженцев в славянских странах, Румынии и Константинополе. По этим данным в начале 1921 г. в разных странах Европы насчитывалось русских беженцев не менее 785 000 человек, не считая Дальнего Востока, где (согласно данным Русского Красного Креста) проживало 50 тыс. русских беженцев нуждающихся в социальной помощи (13). М. Раев в своей книге о русском зарубежье предполагает, что общее число русских беженцев на Дальнем Востоке к 1934 г. возросло до 130 тыс. (14). По данным Международного Бюро труда, которые также не могут быть признаны полными и исчерпывающими, русских беженцев в Европе в 1923 г. насчитывалось около 1 млн. человек, из которых 800 тыс. сумели так или иначе найти себе работу (15). Еще одну цифру приводит в своем исследовании немецкий историк Ханс фон Римша, по мнению которого, общее число русских эмигрантов в Европе в 1921 году составило 2.935.000 (16).

24 декабря 1925 г. Верховный Комиссар по беженским делам - доктор Ф. Нансен разослал государствам - членам Лиги Наций анкетный лист, в котором вторым пунктом запрашивалась информация о количестве беженцев в каждой стране. Однако, из запрошенных 48 государств, только 11 правительств оказались в состоянии сообщить данные о количестве беженцев, проживающих на их территории. К числу отказавшихся принадлежали Германия, Франция и Польша, на территории которых проживало значительное число русских беженцев (17). Такой же опыт был сделан и в 1928 г. в связи с определением Верховным Комиссаром юридического статуса для беженцев. Данные были предоставлены только по странам - членам Лиги Наций, да и то не по всем (23 страны). Проверить точность этих данных было невозможно, поскольку ни одно из правительств не вело точного учета беженцев, поэтому данные о численности русских беженцев, полученные в результате этого опроса нужно признать относительными и значительно преувеличенными. Общее число русских беженцев по 23 странам, предоставившим свои данные, со-

САБЕННИКОВА И.В.

Русская эмиграция как социально-культурный феномен.

ставляло в 1926 г. - 1 138 487 чел., а в 1928 г. - 754 700 чел., без учета Германии, что дает возможность предположить, что общее число беженцев за этот период оставалось примерно одинаковым (18).

При всех проводимых подсчетах не учитывались беженцы, живущие в Северной и Южной Америке, Африке, Австралии, части Азии. Учет беженцев проводился и организациями Земгора, но лишь тех, которые обращались в различные учреждения данной организации, поэтому такие данные не могут претендовать на полноту и достоверность.

Профессиональная структура и занятость

Дифференциация эмиграции по признаку профессиональной принадлежности поддается исследованию в еще меньшей степени, чем ее общие количественные параметры. Сведения по этому вопросу собирались исключительно русскими земско-городскими организациями. Конечно, сделать из этих данных точные выводы о процентном соотношении разных категорий трудящихся чрезвычайно трудно, поскольку регистрация беженцев, обратившихся за трудовой помощью, велась различными бюро труда по разным схемам, а число людей, обратившихся в них, было неодинаковым. Поэтому можно определить лишь приблизительное соотношение различных сфер трудовой деятельности. Согласно выявленным данным, из общего числа учтенных мигрантов было: промышленных рабочих и ремесленников - 23%, лиц, занимающихся сельскохозяйственным трудом, - 41%, интеллигентов, занимающихся физическим трудом - 31%, а работающих по "интеллигентным специальностям" - всего 5%. Таким образом, из всей совокупности трудоспособных (зарегистрированных в источнике) - 90% вынуждены были заниматься физическим трудом (19).

Постепенно, по мере расширения деятельности Земгора, вопрос о помощи русским беженцам превратился из проблемы гуманитарно-благотворительной в проблему экономическую и правовую, обусловив в свою очередь изменение задач Земгора. Если усилия Земгора в первые пять лет его существования были сосредоточены главным образом на удовлетворении материальных потребностей беженцев (в питании, одежде, жилище), то начиная с 1926 г. основное внимание организации обращено на создание нормальных условий работы для беженцев и на урегулирование их правового положения. Причиной тому послужила политика, проводимая рядом стран в отношении рабочих-эмигрантов, которая ущемляла в правах найма на работу всех иностранных подданных и, особенно, беженцев (например, "Закон об охране национального рынка труда" в Чехословакии, принятый в 1928 г., или система въездных квот, практикуемая в США). Подобная политика в наибольшей степени отразилась на положении русских беженцев, не имеющих никакого подданства.

Вопрос о трудовой эмиграции неоднократно становился предметом обсуждения на политических форумах различной направленности. Так, в июне 1926 г. в Лондоне проходил Конгресс Социалистического и Амстердамского Интернационалов по вопросам миграции. Основным был вопрос о политике "открытых дверей" для трудовой эмиграции. Принятые Конгрессом решения, несмотря на всю их компромиссность, были, однако, очень важны для эмиграции, поскольку: 1) уравнивали в правах трудовую эмиграцию и местных жителей; 2) требовали отмены платы за паспорт и визу для эмигрантов, а также выдачу заграничного паспорта для лиц, потерявших свое гражданство по по-

литическим причинам; 3) требовали введения единого с местными рабочими социального страхования; 4) Конгресс предлагал Международной Федерации профсоюзов содействовать вхождению эмигрантских рабочих в местные профсоюзы на равных условиях с местными рабочими (20).

Экономическое и правовое положение эмиграции

Правовое положение русской эмиграции и определение юридического статуса беженцев - тема, ставшая актуальной для всей послевоенной Европы. Вопрос о правовом положении русских беженцев неоднократно вносился Российским Земско-городским комитетом в Лигу Наций. После многочисленных обсуждений в июне 1928 г. Лигой Наций принята была конвенция для введения для всех беженцев "нансеновского сертификата" и все государства, представленные в Лиге Наций, согласились ввести для беженцев "нансеновские паспорта". Введение для русских беженцев единого паспорта в значительной степени облегчало им возможность передвижения в целях заработка. Однако, еще большее значение имело для русских эмигрантов определение юридического статуса беженцев, которое давало им возможность судебной и иной защиты их прав, а также определяло их положение перед законом. Согласно принятой конвенции, в различных странах учреждались представительства Верховного Комиссара по делам беженцев. Представители комиссара имели широкие права консулов и были уполномочены на совершение разного рода актов в отношении беженцев (21). Конечно, нельзя не отметить, что на практике юридическое положение беженцев продолжало оставаться весьма тяжелым, поскольку большинство стран не осуществляло соглашения о юридическом статусе беженцев.

Как отмечалось выше, Земгор был весьма разветвленной организацией, его отделения находились в различных странах Европы и имели не одинаковые финансовые возможности помощи своим соотечественникам, что в значительной степени зависело от финансирования организаций Земгора со стороны правительств государств, в которых эти отделения располагались. Так, размер помощи чехословацкого правительства русским беженцам в 1923 г. составлял 5 млн. чешских крон, что примерно равнялось 2,5 млн. франков в месяц. В течение 1924 г. сумма ежемесячных расходов Чешского правительства на русскую акцию достигла суммы 7 млн. чешских крон, что (при значительно более благоприятном курсе кроны в отношении франка) превышало по своим размерам сумму расходов на русских беженцев, выделяемых всеми европейскими государствами. Денежные субсидии на проведение русской акции правительством ЧСР возросли с 10 млн. крон в 1921 г. до 300 млн. крон в 1926 г. (22), благодаря чему в Чехословакии смогли получить приют более 22 тысяч русских беженцев. Однако, в дальнейшем сумма расходов чешского правительства была значительно сокращена по причинам общего экономического кризиса.

В других славянских странах помощь русским беженцам также была значительной. Так в Югославии в 1923 г. на русскую акцию выделялось правительством до 1,5 млн. франков. В Болгарии в тот же период правительство предоставляло русским эмигрантам помощь в размере примерно 70 000 - 80 000

САБЕННИКОВА И.В.

Русская эмиграция как социально-культурный феномен.

франков. Выделяемая помощь зависела как от состояния экономики самого государства, так и от численности русских эмигрантов в стране (23).

Основным источником финансирования отделений Земгора были ассигнования правительств того или иного государства, а все остальные виды поступлений были сравнительно незначительны (не более 3%).

Ассигнования правительства производились, как правило, в трех главных формах: 1) на общую деятельность Земгора, причем цели этой деятельности определялись самим комитетом, 2) на специальные цели, 3) на отдельные, существующие по своим сметам, учреждения Земгора. Размеры ассигнований по всем этим видам в разное время были различны и зависели от общего отношения правительства к "русской акции" или вновь определяемых специальных задач. Наиболее частым и резким сокращениям подвергались ассигнования на общие расходы. Однако, необходимо отметить, что общая сумма ассигнований правительства до конца 1926 г. повышалась, поскольку с ростом и развитием различных учреждений Земгора, ассигнования на них неизменно повышались. Но это соотношение резко изменилось с начала 1927 г., в связи с сокращением "русской акции". Смета самого пражского Земгора по сравнению с предшествующими годами сократилась более чем на 60 % (24). Между тем структура организаций, их численный состав, соотношение различных политических групп среди их членов и образовательный уровень во всех отделениях Земгора сохранялись в целом на одном уровне.

Молодежь: система образования и преемственность культуры

Специфика состава русской эмиграции определялась значительным процентом в ней молодежи, нуждающейся в продолжении образования или его завершении, а также неграмотных, которым необходимо было дать основы профессиональных знаний с целью их дальнейшего трудоустройства. Земгор поставил задачу открыть не только русские гимназии, но и русские начальные школы для неграмотных и малограмотных русских граждан, курсы сельскохозяйственных знаний, ремонтные мастерские, автомобильно-тракторную школу, училище техников путей сообщения.

Показательна образовательная деятельность пражского Земгора, получавшего значительные субсидии чехословацкого правительства и поддержку президента Т.Масарика (25).

Максимальное число русских эмигрантов в Чехословакии составляло 22.100 человек, которые распределялись следующим образом: земледельцев и сельскохозяйственных рабочих, имеющих работу у чешских крестьян - 8.000; студентов, поступивших в высшие и средние учебные заведения - 7.000; лиц интеллигентных профессий - 2.000; общественных и политических деятелей, принимавших участие в эмигрантской общественной жизни - 1.000; детей школьного возраста - 1.000; военнопленных, распределенных среди крестьян во время 1 мировой войны - 1.000; инвалидов - 600; писателей, журналистов, деятелей искусства - 600; детей дошкольного возраста - 300; неучащихся и несемейных - 600 человек (26).

В начале 1923 г. культурно-просветительским отделом пражского Земгора было произведено анкетирование лиц, желающих получить высшее образование. Полученные данные говорят о том, что 60% потенциальных слушателей имели среднее или незаконченное высшее образование, 30% - высшее обра-

зование, среди которых были врачи, адвокаты, инженеры, и 10% с начальным, включая лиц, окончивших четыре класса среднего учебного заведения (городской или начальной специальной школы). На основе данного опроса были сделаны выводы, что "контингент слушателей в высшей степени культурный и, в смысле восприятия научных дисциплин, благоприятный"(27). Аудитория слушателей высших учебных заведений в 1923 г. была представительна, а преподавательская деятельность в Праге выдающихся русских ученых (как академики П.Б. Струве, Н.П. Кондаков, профессора - П.И. Новгородцев, Н.В. Ястребов, Н.О. Лосский, Е.А. Ляцкий, А.А. Кизеветтер, П.А. Сорокин и др.) сделала Русский народный университет в Праге одним из лучших народных университетов в Европе. В Праге к 1923 г. существовал также Русский юридический факультет (с мая 1922 г.). Академическая группа, насчитывающая до 70 профессоров и доцентов, гарантировала подготовку лекторского состава для университета. По мнению инициаторов создания университета, одним из которых был культурно-просветительский отдел Земгора, "в основу подбора лекторских сил должна быть положена абсолютная свобода лекторского слова и его мысли, никакие давления на его совесть и на его убеждения не допустимы ни в коем случае и губельны для университета, тем более не может быть и речи о том, чтобы лекторские силы подбирались по какому-либо политическому мотиву"(28). По мнению организаторов, Русский народный университет должен был стать свободной трибуной, равно доступной для всех общественных течений эмиграции.

Социологические параметры высшей школы

Социологические параметры высшей школы - институты, знаки и символы культурного процесса, структура и функционирование интеллектуальных элит. Они реконструируются на основании источников о деятельности высшей школы в эмиграции. Цели создания Русского народного университета оговаривались в Проекте, представленном чехословацкому правительству, где говорилось, что Русский народный университет ставит своей задачей подготовку квалифицированных специалистов для последующей работы в России (29). В соответствии с этими целями строилась программа университета. Значительное место в ней отводилось общим курсам, таким как "Новейшая русская история", "История новейшей русской литературы", курсы лекций по социологии и праву. Создавались также курсы по прикладным дисциплинам: стенографии, языкам, бухгалтерии, которые способствовали быстрому трудоустройству студентов. Значительное место в программе университета отводилось изучению Чехословакии: ее общественного строя, экономического и финансового положения и истории - вопросам важным для русских эмигрантов.

Успех создания и функционирования Русского народного университета в значительной степени зависел от выбора формы его управления, что при немалой сложности взаимоотношений Земгора с другими общественными организациями в Чехословакии было непросто.

Структура Русского народного университета была весьма разнообразна. В 1924 г. РНУ включал в свой состав: 1. Отделение общественных наук; 2. Историко-философское отделение; 3. Отделение естественных наук;

САБЕННИКОВА И.В.***Русская эмиграция как социально-культурный феномен.***

---

4. Отделение прикладных знаний; 5. Отделение по изучению Чехословакии; 6. Отделение специальных курсов - языков, сельскохозяйственные курсы; 7. Начальное отделение (начальные школы в Праге, Ужгороде, Кошицах). Была организована также система общедоступных лекций в Праге и провинции. В процессе обучения особое внимание уделялось рассмотрению проблем современной России: правовому строю, экономике, финансам, международному положению, сельскому хозяйству и земельным реформам, гражданскому праву и другим вопросам, которые в наибольшей степени волновали русских эмигрантов, желающих вернуться на родину. Не меньший интерес вызывали аналогичные вопросы по изучению современной Чехословакии.

Преподавательская академическая деятельность велась в форме курсов, которые занимали незначительное количество часов, затем в форме отдельных эпизодических лекций, семинарских занятий, практических демонстрационных работ в лабораториях и экскурсий.

Состав самих слушателей Русского народного университета по общественному положению и образовательному цензу был весьма неоднороден. Так, на академических курсах более специального характера (как, например, по вопросам местного самоуправления, изучения Чехословакии) большинство слушателей имело высшее образование - профессора, журналисты, общественные деятели. На остальных академических курсах среди самой разнообразной публики можно выделить примерно 30% учащихся высших учебных заведений Праги. В то же время число учащихся этой категории на курсах иностранных языков и стенографии достигает -75%. В начальных школах обучались, главным образом, бывшие военнопленные. Постепенно в университете сформировалась своя собственная аудитория (30).

8 декабря 1925 г. Русский народный университет в Праге вышел из исключительного подчинения Земгору и вошел в Чешско-русское общество народных университетов, что дало возможность получать субсидии от Министерства иностранных дел и министерства народного просвещения Чехословацкой республики (31). Это был крупный научный центр, преподавательский состав которого включал 64 лектора и 33 профессора. Преобразование университета в русско-чешское учебное заведение изменило и национальный состав его учащихся. С целью привлечения чешских слушателей было значительно увеличено количество лекций по различным вопросам русской истории, экономики, геологии и географии России. К семинарской работе стали в большем числе привлекаться чешские ученые.

Все перечисленные меры сделали возможным не только сохранение университета, в то время как русская колония в Праге постоянно сокращалась, но даже расширить его деятельность. К 1933 году Русский народный университет перешел к более широкому обслуживанию всей страны в области образования, что объяснялось резким уменьшением числа русских студентов и соответственным увеличением чешского контингента учащихся, что привело к переименованию университета в Русский свободный университет (PCY).

Необходимо отметить, что чехословацкое правительство значительную часть средств, выделяемых в акции русской помощи, направляло непосредственно для помощи русским студентам, которых, по некоторым данным, было в Чехословакии в 1927г.- 3534 человек, в 1930- 906, в 1931 - 500 (32). Судьба окончивших вузы была неоднозначна и сложна. Так летом 1927 г. выпускников вузов в Чехословакии было 1086 человек, из них "на более или менее постоян-

ную работу" устроилось 208 человек, в другие страны уехало 412, и остались нетрудоустроенными 40 юристов и 104 инженера (33). Сложности с трудоустройством выпускников способствовали созданию Объединения русских, окончивших высшие учебные заведения (ОРОВУЗ), которое действовало в тесном контакте с Земгором. С середины лета 1925г., когда появились первые выпускники, и до конца 1926 г. были организованы курсы для получения студентами рабочих специальностей - малярные, электротехнические, кройки и шитья, инструкторов молочного дела, модно-галантерейные и французского языка. Кроме того, создавались краткосрочные курсы при различных предприятиях, финансируемые также Земгором. Всего на подготовку и содержание выпускников вузов было израсходовано в 1925г. - 129.288.08 чешских крон, а в 1926г. - 289.680.30 чешских крон. В 1927 г. Земгор вынужден был резко сократить все виды материальной помощи, что объяснялось прежде всего уменьшением средств, выделяемых чехословацким правительством на " русскую акцию"(34).

Студенческие организации и их деятельность

В непосредственном контакте с Земско-городским комитетом работало объединение русских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО), созданное первым съездом русских студентов-эмигрантов в 1921 г.. В момент создания ОРЭСО студенческие организации существовали в 22 странах, главным образом в тяжелых материальных и правовых условиях. В связи с этим, организационная работа Объединения была направлена на выявление бывших студентов российских ВУЗов, привлечение их в состав студенческих союзов; перемещение студентов из стран культурно и экономически неразвитых в те государства, где можно было поступить в ВУЗы и найти сносно оплачиваемую работу; изыскание средств для материальной и академической помощи учащимся; улучшение правового положения студентов; сближение с иностранными студентами и развитие взаимопомощи; информация и сбор материалов по истории эмиграции студенчества. Вся эта разносторонняя деятельность имела свои результаты и среди них, несомненно, привлечение студенческих организаций в состав объединения. Так в состав ОРЭСО в разное время входило на правах действительных членов 54 организации из 17 стран Европы, двух африканских стран, по одной из Азии и Америки, также поддерживалась тесная связь с организациями, не могущими вступить в состав объединения по каким-либо юридическим причинам. Было проведено четыре съезда русских эмигрантских студенческих организаций: в Праге в 1921, 1922, 1924 гг. и в Париже в 1926 г.. Через ОРЭСО прошло к 1928 г. около 12 000 студентов, которые были сосредоточены главным образом в Чехословакии, Франции, Сербии, США, где условия жизни и возможности получить образование являлись более благоприятными. Объединению удалось получить поддержку от министерства иностранных дел Чехословакии, державного комитета в Югославии, Комитета помощи в получении образования русскому юношеству за границей во Франции, комитета помощи русским студентам в Бельгии, организованным кардиналом Мерсье. В результате смогли закончить образование 8 тыс. русских студентов. Объединение издавало информационный бюллетень и журнал "Тоды"(35).

САБЕННИКОВ Л. И. В.***Русская эмиграция как социально-культурный феномен.***

О трудном положении русских студентов-эмигрантов говорит тот факт, что главный контингент больных туберкулезом в Здравнице Земгора в Праге составляли учащиеся высших учебных заведений - до 75% и по национальности - русские. Земгор осуществлял не только работу Здравницы, но вместе с тем предоставлял денежные пособия на лечение и усиленное питание для больных, а также выдавал разного рода удостоверения и заключения о состоянии здоровья, что было крайне необходимо для эмигрантов (36).

II. Основные диаспоры русской эмиграции**Страны славянской культуры****Югославия**

Значительное число русских беженцев осело в славянских странах Южной Европы. Так, по данным переписи, проведенной державной комиссией Югославии, общее число русских беженцев в стране достигало 30 000 человек, не считая 3500 военнослужащих бывшей русской армии, перешедших на службу правительства Югославии и охранявших границы этого государства. Около 70% всех беженцев составляли бывшие военные. Неработоспособные, включающие детей, стариков, инвалидов и т.д., составляли 11 812 человек, т.е. примерно треть общего числа беженцев. Исходя из специфики состава русской эмиграции в Югославии, Земгор ставил своей задачей обеспечение русских беженцев необходимой работой и средствами. С этой целью при Земгоре были созданы столярные, а также швейные мастерские в Белграде, Загребе, Сараево, Вараждине, Боганском Броде, курсы бухгалтеров в Белграде, школа машинописи, а также курсы сербского и харватского языков, имеющие передвижной характер, что объяснялось некомпактным проживанием русских беженцев, живущих в 305 населенных пунктах страны. Деятельность югославского Земгора включала в себя также создание дешевых столовых для беженцев (14 столовых функционировало в разных районах Югославии), общежитий, предоставление различных ссуд нуждающимся и организации амбулаторий для туберкулезных больных. Земгором было создано 7 детских домов, охвативших примерно 600 детей дошкольного и раннего школьного возраста.

Деятельность югославского Земгора проходила в непосредственном контакте с правительством Югославии, которое содержало на свой счет две русские гимназии в Белграде на 150 учеников и в Великой Кикинде на 180 учеников, эвакуированный из России женский институт на 530 человек и кадетский корпус 1250 учащихся; помимо того 250 русских детей посещали сербские школы. Для взрослой части русских беженцев было создано бюро труда, а неработающим выплачивался паек в 240 динар. В Югославии, где были еще живы идеи славянской общности и сохранялась память о помощи России в борьбе за независимость сербов, условия жизни и работы для эмигрантов были относительно благоприятными (37). Покровительство короля Александра I проявлялось в значительных ассигнованиях, отпускаемых державной комиссией на нужды русских научных учреждений. В Белграде существовали Русский народный университет, Русская публичная библиотека, Русское археологическое общество. Общество русских ученых, куда входили известные историки-слависты, историки общественной мысли, права, церкви - А.Л. Погодин, Е.В. Спекторский, Ф.В. Тарановский, Е.В. Аничков, М.Н. Ясинский, Г.А. Остро-

МИР РОССИИ. 1997. N3

горский и др.. В сентябре 1928 г. в Белграде был открыт Русский научный институт, работающий по трем направлениям: исследовательская работа по проблемам русского и южнославянского прошлого, подготовка молодых ученых и издательская деятельность.

Положение русских беженцев в Югославии значительно ухудшилось в связи с общим экономическим кризисом, затронувшим все европейские страны. Последствия экономического кризиса привели к сокращению ассигнований на нужды русских беженцев, числа рабочих мест в государственных учреждениях, где работало большинство русских эмигрантов. На ухудшение положение эмигрантов повлияло также и наметившаяся устойчивая тенденция правительства на сближение с Советской Россией. В связи с ухудшением экономического положения и политическими изменениями, среди русской эмиграции в Югославии проявились две тенденции: принятие сербского подданства и выезд в другие европейские страны. Первая была характерна для той части русской эмиграции, которая достаточно прочно устроилась в Сербии на казенной и частной службе или обзавелась собственным предприятием. Можно предположить, что число прошений о предоставлении сербского подданства составляло несколько тысяч. Подобное решение вопроса сулило улучшение материального положения: увеличение окладов, компенсационных выплат на удорожание, на семью, право на пенсию, уменьшение транспортных расходов. Другая тенденция была характерна для людей, не нашедших в Югославии постоянного приличного заработка. Эта часть русского общества объясняла свое стремление покинуть Югославию общей некультурностью населения, отсутствием спроса на интеллигентный труд, сокращением государственной помощи эмигрантам, а также безучастностью или даже недоброжелательностью населения, которые могут усилиться (38). Местом своего дальнейшего проживания эта часть общества называла Чехословакию и Францию.

Болгария

Сходная с Югославией ситуация сложилась в Болгарии, где к 1921 г. скопилось 30-35 тысяч русских беженцев, прибывших сюда из Константинополя (главным образом дети) и с Лемноса, Галлиполи, Чаталджи - казаки и военный контингент барона Врангеля. Как и вся русская эмиграция этого периода, эмиграция в Болгарии была представлена в основном людьми трудоспособного возраста, среди которых около 3000 были прежние студенты, взятые на первую мировую войну со студенческой скамьи и желающие продолжить образование.

Для русских беженцев, оказавшихся в изгнании, особенно остро стоял вопрос о языке, без знания которого нельзя было найти заработок или продолжить учение. Курсы иностранных языков были организованы Земгором в Софии, Варне и Плевне, где за небольшую символическую плату можно было пройти курс английского, французского, немецкого или болгарского языков (39). Положение русских детей в Болгарии было относительно хорошим, поскольку, несмотря на все трудности послевоенного времени (выплаты репатриации, перенаселенность многих районов из-за притока беженцев) болгарское правительство нашло возможность субсидировать 6 840 000 лев на открытие 3-х детских садов в Софии, Варне, Шумене и 6-и русских средних

САБЕННИКОВА И.В.

Русская эмиграция как социально-культурный феномен.

учебных заведений, которые содержались и управлялись совместно с Земгором. Среди них гимназии в Софии, Дальнем Ореховце, Шумене, а также сельскохозяйственное училище для детей кубанских казаков (40).

Болгарское правительство, также как и правительства Чехословакии и Югославии, было заинтересованно в привлечении в свои высшие учебные заведения известных русских профессоров, оказавшихся в эмиграции, создавая им благоприятные условия для работы. Русские профессора читали лекции, главным образом, в Софийском университете на медицинском, юридическом и богословском факультетах, причем на медицинском факультете они занимали 8 кафедр и читали лекции исключительно по-русски. Этот факт, а также то, что среди студентов Софийского университета было много русских студентов, привел к признанию русского языка равным болгарскому в стенах университета. Однако, несмотря на благоприятную политику, проводимую болгарским правительством в отношении русских студентов (в частности неограниченный прием русских студентов в болгарские ВУЗы), многие из них стремились покинуть Болгарию с целью продолжить свое образование в Чехословакии или Франции. Такое стремление было связано как с тяжелым положением внутри самой Болгарии и значительно меньшими шансами, чем в других европейских странах, найти работу, так и с отсутствием возможности получить техническое образование (41).

Политическая ситуация в Болгарии также не была простой, что в значительной мере было связано с поражением Болгарии в первой мировой войне и выплатой большой репарации, приведшим к снижению жизненного уровня населения, а также с общими политическими изменениями в Европе. Положение русских профессоров в нестабильной политической ситуации не могло быть устойчивым. Им приходилось выбирать между болгарским правительством, взявшим их на работу по контракту, и болгарской профессурой, ведущей политическую борьбу с правительством путем забастовки. В любом случае часто "было выгоднее уехать, чем оставаться."

Ш. Приграничные ("лимитрофные") государства

Румыния

В чрезвычайно трудном положении оказалось русское население бывших лимитрофных государств: Финляндии, Польши, Эстонии, Литвы, Латвии, где после Октябрьской революции установились национальные правительства, проводившие жесткую националистическую политику в отношении национальных меньшинств. Положение русских беженцев на территории этих государств было подчас просто бедственно.

По данным на 1923 г. (статистика Эбергарта) в Бессарабии из 2.670.000 жителей насчитывалось 47% великороссов, 27,8% украинцев, 11,7% евреев и 13% прочих национальностей. На основании этих данных видно, что в Бессарабии проживало абсолютное большинство русских (42). 17 августа 1918 г. в Румынии был принят королевский декрет, провозгласивший право "каждой национальности, проживающей в Бессарабии, обучать своих детей на родном языке". Вместе с другими европейскими странами Румыния подписала соглашение Лиги Наций от 30 августа 1921 г. об охране прав национальных меньшинств. Однако, параллельно этой чисто декларативной политике проводилась совер-

шенно иная практика. Уже в 1918 г. к русским учителям было предъявлено требование принести присягу на верность румынскому королю. Большинство учителей данного требования не выполнило и было уволено, на вакантные места принимались случайные люди, часто не имеющие педагогического и просто какого-либо образования (43). Вслед за тем начинаются гонения и на русскую школу, прежде всего - государственную начальную и среднюю. Русский язык получает статус иностранного языка и повсеместно заменяется румынским. Все школьные библиотеки опечатываются и школы лишаются русских учебников, ввоз которых в страну строго запрещается наряду с любой периодической русской литературой. Подобные действия румынских властей оказались весьма эффективными, и в течение 1920 г. русская правительственная начальная и средняя школы были уничтожены. Следующим объектом стали земская и городская школы, чья румынизация пришлась на 1922 г.. Не менее печальная участь ждала и частную русскую школу, "реформа" которой проходила в 1921 г.. Выпускникам русских частных школ отказывалось в приеме в румынские высшие учебные заведения, а также в выезде за границу для продолжения образования. Приблизительно в это же время представители румынского правительства за границей получают предписание препятствовать поступлению выпускников румынских частных школ в иностранные университеты (44).

Таким образом, к 1922 г. русской школы в Бессарабии не существовало. Положение взрослой части русских беженцев было не намного лучше. Большинство их жило в крайней бедности, без работы и средств к существованию, без правовой поддержки и, подчас, без возможности покинуть страну.

Латвия

В другой части прежней царской России - Латвии, положение русского населения было немногим лучше. По переписи 1920 г. русских в Латвии насчитывалось 157.671 человек на 1.596.131 жителя Латвии, т.е. 9,9% (45). Подавляющее большинство русских беженцев (до 90%) были неимущими, а 25-30% жило в крайней бедности.

Политика латвийского правительства в отношении национальных меньшинств была неоднозначной. В 1919 г. Народный Совет республики принял "Закон о просветительских учреждениях Латвии", рядом статей которого обеспечивалось право национальным меньшинствам "охраны их национально-культурной самобытности". Управление школьным делом меньшинств сосредотачивалось в особом объединенном департаменте министерства просвещения, где каждое меньшинство имело свой особый отдел. К концу 1924 г. в департаменте имелось 5 национальных отделов - русский, белорусский, еврейский, немецкий, польский. Однако положение несколько меняется к 1922 г., когда латвийский представитель при Лиге наций в особом меморандуме сообщает, что в Латвии происходит денационализация не меньшинств, а самого латышского большинства под влиянием русских и немецких меньшинств, а перед правительством стоит задача - защитить латышский народ от опасности его руссификации и германизации. Вслед за этим законопроект о национально-культурной автономии меньшинств свелся на нет вследствие отрицания за объединениями меньшинств публично - правового характера (46).

САБЕННИКОВА И.В.***Русская эмиграция как социально-культурный феномен.***

В ноябре 1923 г. в латвийский департамент министерства просвещения были переданы все смешанные школы с русским языком преподавания, в которых число русских детей было менее 60%. В начале 1924 г. министерство просвещения издало постановление об обязательной сдаче русскими учителями экзамена по латышскому языку и ведения на латышском языке всей отчетности. В марте 1924 г. было уволено 75% всех учителей - иностранцев. В 1925 г. 10 русских школ были переданы еврейскому отделу министерства просвещения, предпринимались также попытки передать десятки русских школ по этнографическому принципу в белорусский отдел. Однако, несмотря на эти меры, положение русского населения в Латвии было несравненно лучше, чем в соседних Эстонии и Литве (47).

Из профессиональных русских школ в Латвии существовали две технические школы в Риге и Двинске, курсы стенографии в Риге, бухгалтерские в Либаве и рукоделия в Режеце. С осени 1921 года в Риге были открыты Русские университетские курсы, имеющие три отделения: философское, юридическое и педагогическое. Содержались курсы преимущественно на частные средства. Функционировали также двухмесячные летние педагогические курсы.

Деятельность Земгора в Латвии осуществлялась главным образом посредством уже сформировавшихся общественных организаций, таких как Русское общество и Особый комитет по делам русских эмигрантов. С целью поддержать русских беженцев в Латвии, находящихся в трудном материальном положении, Земгор ежемесячно переводил сумму в 2.500 франков в Особый комитет по делам русских беженцев (на содержание детского приюта, где находилось около 30 детей от 5 до 13 лет, и основной школы, а также на выдачу стипендий в средней школе).

Финляндия

В Финляндии общей переписи русских беженцев не производилось, но можно установить (по данным Земгора на 1921-1922 гг.), что в стране находилось примерно около 30.000 беженцев (48). По данным финского правительства, представленным в Лигу Наций в 1928 г., в стране проживало 14.314 беженцев, 10.829 человек из них не имело работы (49). Русские беженцы селились, главным образом, по линиям железных дорог в Выборгской губернии, где раньше располагались летние дачи и были представлены в основном бывшими военными служащими и членами их семей. Финское правительство тратило, по его данным, около 1 млн. финских марок на помощь русским эмигрантам. Значительную поддержку (особенно русским детям-эмигрантам, которых в Финляндии было около 3.878 человек) оказывал Земгор, деятельность которого осуществлялась через отделение в Финляндии. Основными задачами Земгора в Финляндии было поддержание учебных русских заведений, организация и функционирование которых было в значительной степени затруднено сильной рассеянностью проживания беженцев. На эти цели в 1921-1922 гг. Земгор выделил 24.000 франков за счет чего содержалось реальное училище в Териоках и отчасти реальный лицей в Выборге (50).

Польша

В наиболее трудном материальном и правовом положении русские эмигранты находились на территории Польши. Долгое время русско-польская граница была открыта - вплоть до марта 1921 г. (подписания Рижского договора

между Советской Россией и Польшей) и представляла собой освоенную дорогу для русских беженцев на Запад. Даже после завершения гражданской войны и укрепления советских рубежей советско-польская фаница оставалась наиболее "проницаемой". Этим фактором объясняется невозможность определения численности русских эмигрантов в Польше, поскольку она постоянно изменялась - отчасти за счет притока новых беженцев, отчасти из-за официальных и неофициальных репатриантов. Согласно данным, представленным польским правительством на Межправительственной конференции (1926 г.) и 9-й Сессии Лиги наций (1928 г.), численность русских эмигрантов на территории Польши составляла соответственно 68 300 и 100000 человек. На Польшу приходилось также наибольшее число русских безработных - 40 000 человек и незначительные, в сравнении с другими славянскими странами, расходы правительства на нужды русской эмиграции - 3 млн. злотых (51). Таким образом, Польша занимала второе после Константинополя место среди европейских стран по тяжести условий жизни русских эмигрантов, несмотря на то, что после аннексии Польшей западных территорий, численность русскоговорящего населения составляла 5 250 000 человек из общего числа населения в 27 000 000 человек.

Как и в других странах, в Польше значительную часть беженцев составляли бывшие военнослужащие русской армии. Около 17 000 человек отступили на польскую территорию с армиями С.Н.Балаховича (52). Правительство Польши настороженно относилось к русским эмигрантам и проводило в отношении них жесткую политику: Русским эмигрантам не было предоставлено право свободного передвижения внутри государства и выбора места жительства по собственному выбору, всячески затруднялось получение въездной визы в случае выезда какого-либо лица для получения образования или с целью заработка, затруднялась практика лицам, окончившим высшие учебные заведения в Польше и устройство их на работу, чрезвычайно усложнялось получение постоянных документов и принятие польского гражданства. Все перечисленные сложности объясняют важный факт - в Польше не было ни одной значительной фигуры русской эмиграции.

В отношении школьного дела Польша также занимала особое место. Прежние государственные и частные русские школы, функционировавшие на российской территории Польши, закрывались, преподавание русского языка сохранялось лишь в выпускных классах, а во всех прочих заменялся польским или украинским и белорусским. С осени 1922 года преподавание на русском языке еще более сократилось.

Учитывая тяжелое положение русских эмигрантов в Польше, Земгор в июне 1921 года назначил своего представителя в эту страну для организации и деятельности отделения Земско-Городского комитета. Однако легализировать данную организацию так и не удалось из-за препятствий со стороны правительства Польши. Тем не менее, деятельность Земгора в Польше продолжалась. На средства Земгора в Варшаве содержалась школа с программой высшего начального училища, где обучалось около 100 детей. Создавались и активно работали школьные библиотеки-читальни в Варшаве, Ковеле, Ровно, в лагере Тухола. Четыре школы были созданы в лагерях для интернированных. Всего на территории Польши находилось 9 чисто эмигрантских школ: 3 сред-

САБЕННИКОВА И.В.***Русская эмиграция как социально-культурный феномен.***

неучебных заведения и пять начальных школ, учащихся которых приходилось также поддерживать материально и выдавать необходимые учебники (53).

Значительная работа проводилась Земгором по поддержанию русских студентов, чье положение было крайне тяжелым. В марте 1921 года в Польше организовался Союз русских студентов, с целью объединения русских студентов-эмигрантов и предоставления им возможности закончить прерванное образование. Союз русских студентов собрал в своих рядах около 300 человек, 173 из которых состояли в высших учебных заведениях, таких как: Политехникум, Коммерческий институт, Сельскохозяйственная академия, Академия художеств и Университет. Материальное положение учащихся и студентов было крайне сложно, большинство из них не освобождалось от платы за обучение, а также за практические лабораторные работы, несмотря на их абсолютную материальную несостоятельность. По данным Союза, почти все его члены страдали острым малокровием и были подвержены всевозможным заболеваниям (54).

С целью помощи русским студентам Земгор организовал выдачу хлебных пайков и единовременных пособий особо нуждающимся, а также вносил плату за право обучения детей в гимназиях и студентов в ВУЗах, на средства Земгора производился вывоз студентов из лагерей для поступления их в Университет. Земгор оказывал возможную помощь и Союзу русских студентов путем предоставления субсидий (55).

В Польше, как и в других странах русского расселения, существовал ряд различных русских эмигрантских организаций, создаваемых главным образом на профессиональной основе. Среди них выделялись Академическая группа, Союз русских учителей, Общество юристов эмигрантов, Союз русских писателей и журналистов, Товарищество поэтов, а также различные общественные благотворительные организации (Общество помощи русским эмигрантам в Польше, Комитет помощи детям, Львовский русский благотворительный комитет, "Русский дом" и другие). С целью координации своей деятельности и разрешения общих для всей русской эмиграции вопросов, эти организации стремились к объединению. Так возникли Союз русских эмигрантских организаций в Польше (56) и Объединенная комиссия русских эмигрантских организаций и учреждений в Варшаве (1926г.)(57).

Центральные Европейские государства

Германия

Германия занимала особое место по распространению русских эмигрантских центров в Европе, возникших после Октябрьской революции и гражданской войны. Одной из причин этого была традиционная ориентация русской гуманитарной интеллигенции на высшее образование Германии (прежде всего в области философии и наук о культуре). Многие русские интеллигенты учились в германских университетах или посещали лекции крупнейших немецких профессоров в качестве вольнослушателей. Германия притягивала к себе и представителей других народов, входящих с состав Российской империи - евреев, прибалтийских немцев и других. Второй причиной, объясняющей многочисленность русской колонии в Германии было, конечно, ее географическое положение в Европе - любой эмигрант, покинувший Россию и желающий найти свое место в Европе, обязательно проезжал через Германию. В то же

время надежда русских эмигрантов на возвращение побуждала их выбирать для своего временного проживания пограничные с Россией государства (58). Помимо уже названных, существовала еще одна очень веская причина - после поражения в первой мировой войне в Германии практически отсутствовал жесткий визовый режим въезда в страну, что для лишенных всяких прав беженцев было очень важно. И в этом плане Германия была идеальным местом - всего два дня пути. Веймарская республика была буквально "наводнена" не только представителями коммерческих и деловых кругов, но и "советскими" писателями и учеными. Все это вместе взятое создавало некоторую иллюзию близости к России и сопричастности к ее проблемам. Была и еще одна объективная причина, заставившая сотни тысяч русских беженцев обосноваться в Германии - страшная послевоенная инфляция, сделавшая Германию одной из самых "дешевых" стран Западной Европы. К августу 1923 г. за 1 доллар в Берлине давали 2 700 000 немецких марок (59). Именно эта экономическая сторона дела способствовала возникновению "русского" Берлина: десятки русских ресторанчиков, кафе, салонов мод и мехов, книжных магазинов и более 87 русских издательств оказались сосредоточены именно здесь, в то время как всего в Европе на 1924 г. насчитывалось 130 издательских фирм (60). За период 1919-1923 гг., Германия, и особенно Берлин, были наиболее населенными центрами эмиграции. К концу 1919 г. в Берлине жило примерно 70 тысяч русских беженцев и ежемесячно пребывало более 1000 человек. К осени 1920 г. численность русских беженцев возможно достигала 560 000, вместе с теми, кто следовал транзитом через Германию в другие страны Европы, США и военнопленными, ожидающими репатриации. К весне 1921 г., по мнению исследователя русской эмиграции в Германии Р.С. Вильямса, общее число русских в Германии упало до 300 000, а в начале 1922 г. снизилось до 250 000. Начиная с 1923 г. число русских эмигрантов в Германии постоянно снижалось и к 1930 г. составило менее 100 000 человек (61). Х.Э. Фолькман в своей книге "Русская эмиграция в Германии 1919-1929 гг." приводит несколько отличные данные о численности русских эмигрантов (по его мнению на 1 марта 1921 г. число русских беженцев в Германии достигало 50 - 80 тысяч, а в декабре 1922 г. их число уже увеличилось до 600 тысяч) (62).

Русские беженцы в Германии 20-х гг. жили не только в Берлине. Одним из наиболее крупных центров русской эмиграции в Германии того периода был Мюнхен, где в политическом спектре преобладали правые - монархисты, которые находили Баварию более спокойной, в отличие от Берлина, наполненного левой прессой и полицией. Гамбург имел сообщество из более чем 1000 эмигрантов, также как Дюссельдорф и другие города Рейнской области и Вестфалии. Около 500 русских беженцев проживало в эти годы в Баден-Бадене, главным образом разорившаяся в ходе революции московская и петербургская аристократия. Особое место среди немецких городов тех лет занимал Висбаден, служивший своего рода безвизовым транзитным путем для русских эмигрантов из Франции в Германию и обратно во время французской оккупации. Этим путем, несомненно, пользовались русские эмигранты, у которых не было средств и возможностей проходить все установленные формальности. Помимо того, русские эмигранты в начале 20-х гг. жили в Кёнигсберге, Брес-

САБЕННИКОВА И.В.

Русская эмиграция как социально-культурный феномен.

лау, Франкфурте, Дрездене, Лейпциге, Штуттгарте, Халле, Гейдельберге, Геттингене (63).

В 1922 г. из Советской России за границу, прежде всего в Берлин, было выслано около 200 представителей российской интеллигенции, причем без суда, в административном порядке, по решению ГПУ.

Высланные из России ученые встретили в Германии неоднозначный прием среди различных политических сил русской эмиграции. Левая, демократическая часть эмиграции, приняла их приезд с воодушевлением, с надеждой, что их присутствие послужит дальнейшему развитию культурной жизни русского зарубежья. Правые круги восприняли приезд либеральной интеллигенции весьма холодно, не видя в них потенциальных союзников. "Были даже такие, - писал Н.А. Бердяев, - которые позволяли себе говорить, что это не высланные, а подсланные для разложения эмиграции"(64). Кроме того, группа высланных ученых находилась в лучшем материальном положении и не прошла обычных для эмиграции трудностей, что также не способствовало ее сближению с эмигрантскими массами. Тем не менее, в "Информационном листке" Земгора мы читаем: "Изгнанные из России ученые принесли с собой дух живой инициативы и организаторских способностей, которых не было у русских эмигрантов в Германии. Преобразовав Академический союз, устроив Научный институт, они взяли в свои руки дело среднего образования..."(65). Благожелательность немецких властей в данном случае помогла созданию в Берлине Русского научного института, где читались лекции по истории русской мысли. Возникновению и существованию института в значительной мере помогла материальная поддержка, оказанная американской компанией "Джойн Дистрибьюшен Комити", предоставившей Институту 10 000 долларов на первые два семестра (66). Институт был торжественно открыт в Берлине 17 февраля 1922 г., а "целью его образования было изучение русской духовной и материальной культуры и распространение знаний о ней, содействие русской молодежи в получении высшего образования в Германии". Финансирование Института взяло на себя, в значительной мере, внешнеполитическое ведомство Германии, которое выделяло ежегодные денежные ссуды для его нормальной работы. Так, в 1926-1927 учебных гг. было выделено 60 000 д.м., а в 1927-1928 гг. уже только 45 000 д.м., что показывает устойчивую тенденцию к сокращению финансирования русских учебных заведений. Это в свою очередь привело в начале лета 1931 года к закрытию Русского научного института в связи с прекращением его финансирования (67). Вслед за Русским научным институтом 15 ноября 1922 г. была организована Русская религиозно-философская академия, которой было суждено сыграть существенную роль в русской интеллектуальной и культурной жизни. Русская религиозно-философская академия была продолжением Вольной академии духовной культуры, созданной в Москве Бердяевым и религиозно-философских обществ, активно функционировавших в Москве и Петрограде в 1921-1922 гг.. Академия официально объявляла себя чуждой всяким политическим тенденциям, существующим в тот период в эмиграции. "После кровавой многолетней борьбы и политических потрясений, - считали ее основатели, - должно наступить внутреннее углубление и искание исцеления в христианском единении". В основу создания Академии была положена мысль, что "главнейшая задача нашего времени - духовное возрождение личности путем установления и углубления цельного мирозерцания на религиозной основе и, что вне такого возрождения невозможно возрождение

МИР РОССИИ, 1997. N3

русской культуры и общественности"(68). Среди преподавателей Русской религиозно-философской академии мы находим таких ярких представителей русской культуры как Н.А. Бердяев, читавший "Философию религии", С.Л. Франк - "Основы философии и история греческой философии", И.А. Ильин - "Миросозерцание, характер и философия искусства", Ю.Н. Айхенвальд - "Философские мотивы русской литературы", Ф.А. Степун - "Сущность романтики", В.Э. Сеземан- "Этика", Н.С. Арсенев - "Античный мир и раннее христианство".

В наиболее трудном материальном положении в Германии, как и во многих других странах, оказалось русское студенчество (69). Союз русских студентов в Германии не являлся политической организацией и видел свою основную цель в материальной помощи своим членам. С этой целью им предоставлялись небольшие денежные субсидии, была открыта дешевая студенческая столовая (на 6000 обедов ежемесячно), студенческий клуб и читальня, Бюро труда, переписки и переводов, снабжающее студентов работой (в месяц предоставлялась работа на 6000 марок) (70). Однако всей этой деятельности было недостаточно для поддержания нормальной жизни и обучения русских студентов-эмигрантов в Германии, и многие из них стремились выехать в другие европейские страны для продолжения обучения, прежде всего в Чехословакию и Францию.

К концу 1923 - 1924 гг. русская колония в Берлине стала заметно уменьшаться. В "Информационном листке" Земгора N27 от 16 октября 1923 г. говорится: "Политическое состояние Германии таково, что побуждает русских, имеющих средства и надежду на заработок вне Германии, уезжать отсюда. Почти все состоятельные люди уехали или уезжают во Францию, а менее обеспеченные в Висбаден, в Баварию и в Чехословакию. В последнее время замечается и отъезд в Италию, где жизнь считается дешевле, чем во Франции."(71).

Франция

Таким образом, местом пребывания значительного числа русских эмигрантов к 1923-1924 гг. становится Франция. "Русский Париж" по интенсивности общественной и культурной жизни мало чем уступал прежним русским столицам. Здесь выходило две ежедневные газеты: "Последние новости", издаваемая Милюковым и имевшая либеральную направленность, и "Возрождение", (националистической направленности), издаваемая Гукасовым. Издавались "толстые" журналы - такие как "Числа", "Современные записки". "Иллюстрированная Россия", "Дни" (под редакцией А.Ф. Керенского) (72). Работали русские гимназии, школы, лицеи, институты и академии, консерватория и многочисленные общественные и профессиональные организации. Среди них Земско-городской союз помощи русским беженцам, Красный Крест, Центральный комитет по обеспечению образования русскому юношеству за границей и другие. Среди союзов, созданных по профессиональному принципу - Академический союз, Союз писателей и Союз писателей и журналистов, Торгово-промышленный союз, Союз шоферов, Морское собрание и др.. Многочисленные союзы имели свои кружки, литературные и научные общест-

САБЕННИКОВА И.В.***Русская эмиграция как социально-культурный феномен.***

ва, клубы - все это позволяло русским эмигрантам в Париже жить наполненной интеллектуальной жизнью. Компактное проживание большого числа эмигрантов создавало своеобразную иллюзию сохранения русского дореволюционного общества со всем его традиционным своеобразием.

О численности русских беженцев во Франции говорить трудно, поскольку число эмигрантов никогда не оставалось постоянным. Поэтому ни французское правительство, ни организации Земгора не могли дать исчерпывающих данных. Так, на 1 декабря 1921 г. министерство внутренних дел Франции насчитывало 60000 русских эмигрантов в пределах самой Франции и ее колоний. По данным департамента Сены (куда входил Париж и его окрестности), в тот же период было зарегистрировано 38 982 русских эмигранта (14 400 мужчин, 10 566 женщин и 14 000 детей)(73). В 1922 году французское правительство, испытывая острую потребность в рабочих руках, разрешило въезд русских эмигрантов из других стран, прежде всего из Болгарии, Греции, Сербии, Чехословакии, Германии, Эстонии. Эта политика привела к резкому увеличению числа русских эмигрантов, поэтому к концу 1925 г. их насчитывалось во Франции около 400 000 человек (данные Межправительственной конференции по беженским делам, состоявшейся в Женеве 11-12 мая 1926 г.)(74). По данным Земгора, "к 1925 г. в Париже количество обратившихся за помощью к различным организациям беженцев в местах главного скопления их выразилось в 450 000 человек" (75), причем данная цифра также не могла учесть всего числа русских беженцев.

Социальный состав русских беженцев во Франции, согласно данным Парижского Земгора, крайне неоднороден: большинство в прошлом принадлежало к лицам свободных профессий, офицерству, чиновничеству, также имеются значительные группы казаков, бывших солдат, ремесленников и промышленных рабочих. Постепенно прежние социальные различия стирались, поскольку большая часть русских эмигрантов вынуждена была заниматься физическим трудом, не имея возможности прожить за счет своих прежних профессий. Таким образом, главную массу свободных беженских рук во Франции поглотили промышленность и сельское хозяйство. Преобладающее большинство русских эмигрантов стало наемными рабочими.

Французское правительство, обеспокоенное спадом рождаемости в послевоенный период, также проводило благоприятную политику поддержки в отношении детей русских эмигрантов (76). С этой целью во французских лицах учреждались специальные стипендии для русских детей, иногда с полным содержанием в общечитии. Так постепенно русские дети становились французскими гражданами - получали французские аттестаты, дипломы, паспорта, русские же школы приобретали характер культурных центров. В Париже русской эмиграцией было открыто восемь высших учебных заведений, в которые принимали студентов из всей русской диаспоры. Среди них на первом месте по своему официальному статусу и уровню преподавания стояли русские отделения при Сорбонне. Более 40 известных русских профессоров было привлечено для чтения лекций на русских отделениях и для французских студентов. С этой целью правительство выделило на оплату русских лекторов, читающих дополнительные национальные предметы - 700 000 франков (77). Среди других высших учебных заведений эмиграции - Коммерческий институт, Русский политехнический институт, Высший технический институт, Православный богословский институт и Русская консерватория. В 1925 г. к ним присоединился

еще Франко-русский институт - высшая школа социальных политических и юридических наук, ориентирующий своих студентов на работу в России. В 1921 г. в Париже при Земгоре был открыт Русский народный университет.

На средства Земгора и при его непосредственном участии функционировал Русский коммерческий институт, преподавание в котором длилось два года и проходило, главным образом, на французском языке, что объяснялось ориентацией института на французскую промышленность и торговлю. В 1921 г. в Париже была создана Русская консерватория, которая возникла на базе русской музыкальной школы. В ней преподавали виднейшие педагоги-музыканты: по классу фортепьяно - А. Рахманинов, Б. Зак, О. Конюс, П. Львовская и др.; по классу пения - В. Стахова, А. Александрович, В. Бернарди, М. Славина и др.; по классу скрипки - В. Вальтер, Б. Каменский, Ю. Конюс. Руководителем консерватории был известный композитор и дирижер Н.Н. Черепнин. Балетную студию при консерватории возглавлял С. Лифарь. В ней училось много иностранцев. Успех русского музыкального учебного заведения в Париже был значителен благодаря хорошему знанию французами русской музыкальной культуры еще со времен "русских сезонов" Дягилева.

Значительную роль в судьбе русского студенчества во Франции сыграл образованный в 1922 г. Центральный комитет по обеспечению образования русского юношества за границей. Комитет был создан по инициативе известного земского деятеля, возглавлявшего Земско-городской комитет по снабжению русской армии в первую мировую войну - М.М. Федорова. Старые связи во французских правительственных кругах и значительный политический опыт позволяли Федорову добиваться правительственной помощи для русских студентов-эмигрантов. При поддержке французского президента Раймона Пуанкаре многим русским студентам были предоставлены стипендии и освобождение от платы за обучение. Вместе с тем Комитет организовал ряд пансионатов и общежитий для студентов, где они содержались на полном довольствии (общежитие на улице Лекубр на 70 человек и на бульваре Монпарнас на 12) (78). Одним из основных направлений помощи Комитета было трудоустройство выпускников вузов, что было особенно актуально в условиях экономического кризиса. Для выпускников русских вузов работу можно было найти, главным образом, во французских колониях, где требовались высококвалифицированные специалисты и не было сильной конкуренции за рабочие места. Русские эмигранты покидали Европу без особого желания, но легче французов, хотя при первой возможности стремились вернуться обратно, поскольку в колониях они были лишены русской культурной среды, что особенно ценилось русскими эмигрантами.

Значительную работу по обеспечению русских эмигрантов, желающих переехать с целью заработка в колонии, информацией о географических, экономических, бытовых, сельскохозяйственных условиях различных государств Французской Африки и Южной Америки осуществлял Земско-городской комитет. Им также, по возможности, предоставлялись данные о заработке, цене на землю, жилье, дефицитных специальностях (79).

Таким образом, проведенный анализ позволил установить параметры интеграции различных социальных слоев русской эмиграции в западное гражданское общество. Вместе с тем, была выявлена специфика интеграции различных

САБЕННИКОВА И.В.

Русская эмиграция как социально-культурный феномен.

диаспор русской эмиграции, находящихся в несхожих (а иногда диаметрально противоположенных) социо-культурных условиях. Материалы Земско-городского комитета помощи русским беженцам за границей оказались уникальным источником информации о социальной, профессиональной, гендерной, образовательной, экономической и политической дифференциации эмиграции. Они позволили проследить связь этих признаков (в ряде случаев статистически), критерии горизонтальной (по странам) и вертикальной (по профессиональному признаку) социальной мобильности. Все это дало возможность реконструировать российскую эмиграцию как социальный феномен.

Механизм функционирования российской эмиграции на всем протяжении ее существования (раскрываемый по основным направлениям деятельности Земгора) выражался в инфраструктуре региональных диаспор и каналов коммуникаций между ними. Основной целью координационных усилий центра и его региональных отделений было сохранение целостности всей системы - единой культурной, религиозной, образовательной идентичности, преемственности поколений. Благодаря этому мы можем воссоздать портрет русской эмиграции в целом, получив достаточно полную социологическую, политическую, экономическую картину жизни русской диаспоры на всем пространстве ее расселения - от Дальнего Востока до Африки, Северной и Южной Америки. Становится возможным дать ответ на вопрос - почему русская диаспора так тяжело интегрировалась в западно-европейское общество. Социологический анализ позволил выделить три параметра эмиграции как устойчивого социального феномена, препятствовавшие процессу интеграции - существование стабильного менталитета; тенденции отторжения со стороны самого западного общества и, наконец, сохранение национальной идентичности путем целенаправленной культурной политики (создания русской средней и высшей школы, театров, библиотек, архивов, научных институтов и академических организаций). Сравнительный анализ положения основных диаспор русской эмиграции позволяет раскрыть место данного социо-культурного феномена в развитии мировой цивилизации XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Медушевский АН. История русской социологии. М., 1993. С. 7.
2. Современная литература о русской эмиграции представлена работами:
  - 1) по политическим партиям и их лидерам: Rosenberg W.G. Liberals in the Russian Revolution. The Constitutional Democratic Party, 1917-1921. New Jersey, 1974; Haimson L.H. The Mensheviks. From the Revolution of 1917 to the Second World War. Chicago, 1974; 2) по странам размещения эмиграции: Volkman H.E. Die Russische Emigration in Deutschland. 1919-1929. Wurzburg, 1966; Williams R.C. Culture in Exile. Russian Emigres in Germany. 1881-1941. N.Y., 1972; Beyssac M. La vie culturelle de l'émigration russe en France. Chronique (1920-1930). P., 1971; Russian Emigrants. Contribution to the Scientific and Cultural Life of America. N.Y., 1985; 3) по рассмотрению эмиграции как феномена европейской культуры межвоенного периода: Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992; Raeff M. Russia Abroad. A Cultural History of the Russian Emigration, 1919-1939. N.Y., 1990, (см. рец. на эту книгу: Отечественная история, 1994. № 3. С.214-218). См. также: Золотая книга русской эмиграции. М., 1997.
  3. Кр. Правда от 5 января 1922 .; ГАРФ Ф. 5764. Оп.1, Д.89, Л.5.

МИР РОССИИ. 1997. N3

-
4. Краткий очерк деятельности Всероссийского Земского Союза. София, 1920; Отчет о деятельности Российского Земско-Городского комитета помощи российским гражданам за границей. Париж, 1922. С.5.
  5. Там же, С. 13.
  6. ГАРФ Ф. 5764. Оп.1. Д. 137. Л. 1а.
  7. ГАРФ Ф. 5764. Оп.1. Д.1. Л.17.
  8. Там же, Л. 18.
  9. ГАРФ Ф. 5764. Оп.1. Д. 123. Л.95.
  10. ГАРФ Ф. 5764. Оп.1. Д.149. Л.3.
  11. Там же, Л.29.
  12. Отчет Харбинского Комитета помощи русским беженцами его деятельность в Северной Манчжурии. Харбин, 1930. С.4.
  13. Raeff M. Russia Abroad. A Cultural History of the Russian Emigration, 1919-1939. N.Y., 1990.
  14. ГАРФ. Ф.5764. Оп.1. Д.89. Л.3.
  15. Там же, Л.3.
  16. Rimscha H. Der russische Burgerkrieg und russische Emigration 1917-1921. Jena, 1924.
  17. Там же, Л.3.
  18. Там же, Л. 4.
  19. Там же, Л.8.
  20. Там же, Л.26-28.
  21. Там же, Л.39.
  22. Пашуто В.Т. Русские историки эмигранты в Европе. МЛ, 1992. С.24.
  23. ГАРФ Ф.5764. Оп.1. Д.96. Л. 12.
  24. ГАРФ Ф.5764. Оп.1. Д.89. Л.67.
  25. Сабенникова И.В. Русская эмиграция в Чехословакии: образование, наука, просвещение// Педагогика. 1995. № 3.
  26. Отчет Харбинского Комитета помощи. С.1.
  27. ГАРФ Ф.5899. Оп.1. Д. 166. Л. 355.
  28. Там же, Л.354.
  29. Там же, Л.353.
  30. Русский народный университет в Праге. Отчет о деятельности за 1926-1927 гг. Прага, 1924. С.6.
  31. Земгор в Праге. С.99.
  32. Пашуто В.Т. Указ соч. С.67.
  33. ГАРФ. Ф. 5764. Оп.1. Д.151. Л.119.
  34. Земгор в Праге. С.54.
  35. Русские в Праге. 1918-1928. Прага, 1928. С.64.
  36. Сабенникова И.В. Социальная и правовая помощь русским эмигрантам первой волны// Российский журнал социальной работы. 1995. № 2.
  37. ГАРФ Ф. 5764. Оп.1. Д.133. Л.98.
  38. ГАРФ Ф. 6006. Оп.1. Д.23. Л.13-14.
  39. Отчет о деятельности Российского Земско-Городского комитета. С.44.
  40. Там же, С.43.
  41. Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. Париж, 1971. С.102.
  42. ГАРФ Ф. 5775. Оп.1. Д.257. Л. 116.

САБЕННИКОВА И. В.***Русская эмиграция как социально-культурный феномен.***

---

43. Там же, Л.117.
44. Там же, Л. 118.
45. ГАРФ Ф. 5775. Оп.1. Д.257. Л.66.
46. Там же, Л.63.
47. Там же, Л.64-65.
48. Отчет о деятельности Российского Земско-городского комитета. С.48.
49. ГАРФ Ф. 5764. Оп.1. Д.154. Л.1.
50. Отчет о деятельности Российского Земско-городского комитета. С.48.
51. ГАРФ Ф. 5764. Оп.1. Д.154. Л.1.
52. ГАРФ Ф. 6006. Оп.1. Д.12. Л.147.
53. Отчет о деятельности Российского Земско-Городского комитета. С.49.
54. ГАРФ Ф. 5846. Оп.1. Д.24. Л.3.
55. Отчет о деятельности Российского Земско-Городского комитета. С.49.
56. ГАРФ Ф. 5854. Оп. 1, Д.6. Л.5.
57. ГАРФ Ф. 5854. Оп.1. Д.4. Л.1.
58. Бердяев Н.А Самопознание М., 1991. С.246.
59. Глэд Дж. Беседы в изгнании. Русское литературное зарубежье. М., 1991. С.8.
60. Каталог книг вышедших вне России. Берлин, 1924.
61. R.C.Williams Culture in exile. Russian Emigres in Germany, 1881-1941. L., 1972.
62. Н.Е. Volkman Die Russische Emigration in Deutschland 1919-1929. Wurzburg, 1966. S.94.
63. Рувль. 15 февраля 1921. С.5.; Alder-Rudel, Ostjuden in Deutschland. 1880-1940. Tubingen, 1959.
64. Бердяев Н.А Указ. соч. С.247.
65. ГАРФ Ф. 5764. Оп.1. Д. 149. Л.39.
66. Там же, Л.40.
67. Volkman Н.Е. Op. Cit. S.133.
68. Вестник самообразования N 2, Берлин. 1922.
69. ГАРФ Ф. 5859. Оп.1. Д. 31. Л.1.
70. ГАРФ Ф. 5859. Оп.1. Д. 2. Л.1.
71. ГАРФ Ф. 5764. Оп.1. Д. 152. Л.19.
72. Отчет о деятельности Российского Земско-Городского комитета. С.49.
73. ГАРФ Ф. 5764. Оп.1. Д. 154. Л.1.
74. ГАРФ Ф. 5764. Оп.1. Д. 89. Л.4.
75. ГАРФ Ф. 5775. Оп.1. Д. 257. Л.3.
76. Зарубежная русская школа. Париж, 1924.
77. Ковалевский П.Е. Указ соч.
78. ГАРФ Ф. 5764. Оп.5. Д.3.
79. Отчет о деятельности Российского Земско-Городского комитета. С.50.